

Е.Г. Федорова

ОЛЕНЕВОДСТВО МАНСИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена истории оленеводства у одного из малочисленных народов севера Сибири — манси. В статье характеризуется этническая история манси: автор анализирует тот фон, на котором происходило формирование их культуры, известной по этнографическим материалам. Рассматриваются накопленные к настоящему времени материалы по оленеводству у этого народа: его происхождение, состояние в дореволюционный, советский и постсоветский периоды. Анализ имеющихся данных позволяет говорить о том, что в этнографической действительности мансийское оленеводство не было одинаковым для всех территориальных групп, у которых оно фиксируется. В настоящее время оленеводство как занятие можно считать исчезнувшим из мансийской культуры. Сохраняются связанные с ним религиозные представления и обряды. Как символ оленеводческого населения (коми, ненцев, манси) стал восприниматься праздник День оленевода, основные черты которого сформировались в советский период.

Ключевые слова: манси, оленеводство, происхождение оленеводства, этническая история, жертвоприношения, День оленевода.

E. G. Fedorova

MANSI REINDEER HERDING IN HISTORICAL AND CULTURAL LANDSCAPE OF WESTERN SIBERIA

The article is devoted to the history of reindeer breeding in one of the small peoples of the north of Siberia - Mansi. In this article the ethnic history of Mansi is characterized: an author analyzes the background on which the formation of their culture, known by ethnographic materials, took place. Materials accumulated to date on reindeer husbandry of this people are considered: the author discusses its origin, state in the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet periods. Analysis of the data which is available now allows us to say that in ethnographic reality the Mansi reindeer herding was not the same for all territorial groups in which it is recorded. Currently, reindeer herding as an occupation that can be considered as disappeared from the Mansi culture. The religious beliefs and rites associated with it are still preserved. As a symbol of the reindeer herding population (Komis, Nenets, Mansis), the Day of the reindeer herder became the main features of which were formed during the Soviet period.

Keywords: Mansi, reindeer herding, origin of reindeer herding, ethnic history, sacrifices, Reindeer herder's day.

Исследования, посвященные мансийскому оленеводству, базируются на материалах, относящихся к северной этнографической группе этноса. Прежде всего это связано с тем, что данная группа, по сравнению с остальными, еще во второй половине XX в. сохраняла многие элементы традиционной культуры, что и привлекало к ней внимание специалистов. И практически все этнографы, занимающиеся изучением населения Северо-Западной Сибири, в той или иной степени касались темы оленеводства именно у этой группы.

В культуре и истории каждого из народов Северо-Западной Сибири или отдельных их групп оленеводство занимало свое место. В разные периоды оно влияло на этническую культуру в целом, в связи с чем интерес представляет не только описание оленеводческой системы, но и трансформация этого вида деятельности и сопутствующего ему комплекса предметов на разных исторических этапах, а также проблема происхождения оленеводства у каждого из народов, проживающих на этой территории, в данном случае манси. По замечанию В.А. Козьмина, исследование места оленеводства в культуре северных манси дает дополнительную возможность для уточнения времени формирования и собственно этой этнографической группы [Козьмин 2003: 71].

По этнографическим материалам, оленеводство фиксировалось еще и у сравнительно малочисленного подразделения манси (вогулов), кочевавших по Уралу, которую принято относить к западной этнографической группе, очень слабо изученной.

Целью настоящей статьи является определение характера того историко-культурного фона, на котором существовала и трансформировалась мансийская оленеводческая культура со специфической, присущей разным группам в разные периоды.

Если ориентироваться на имеющиеся исследования оленеводства у народов Северо-Западной Сибири, можно сказать, что история мансийского оленеводства насчитывает примерно пять веков. Относительно происхождения обско-угорского оленеводства, как хорошо известно, существует две точки зрения. Согласно первой манси и ханты заимствовали этот вид занятий от северных самодийцев (А. Алквист, К. Доннер, В.Н. Чернецов, А.И. Мурзина, З.П. Соколова, В.А. Козьмин, А.В. Головнев, Е.Г. Федорова и др.).

Но здесь имеются расхождения по поводу времени заимствования оленеводства. Так, В.Н. Чернецов считал, что северные группы манси и хантов были знакомы с оленеводством уже в первые века II тыс. н.э. [Чернецов 1941: 156]. По мнению С.В. Бахрушина, основанному на летописных источниках, у ляпинских вогулов / манси оленеводство существовало с XV в. [Бахрушин 1935: 12]. З.П. Соколова периодом освоения оленеводства обскими уграми называет II тыс. н.э. [Соколова 1968: 25 и др.].

О XV–XVI веках как времени знакомства с оленеводством вогулов, обитавших на Среднем Урале, говорит А.В. Головнев, поскольку есть данные, позволяющие предположить возможность проникновения туда в это время самодийцев [Головнев 1993: 96]. По мнению В.А. Козьмина, северные манси заимствовали оленеводство, причем на нартенной стадии развития (как и другие несамодийские народы), непосредственно от ляпинских ненцев, кочевавших в XVII–XVIII веках в пределах Ляпинской волости [Козьмин 1981: 17; 1986: 52–53 и др.], где в это время оказались и манси. Таким образом, процесс формирования северной этнографической группы манси связан и с процессом освоения оленеводства [Козьмин 2003: 71–73].

Другая точка зрения на вопрос о происхождении обско-угорского оленеводства была обоснована Н.В. Лукиной в результате анализа этого занятия у восточных хантов [Лукина 1984: 10–15; 1985: 135–144]. Она ставит под сомнение гипотезу о заимствовании оленеводства восточными хантами от ненцев [Лукина 1984: 12] и допускает возможность самостоятельного возникновения этого занятия у обских угров [Лукина 1984: 12; 1985: 143]. Но признаки существования оленеводства в начальной стадии формирования фиксируются у восточных левобережных хантов, данные фольклора которых указывают все же на продвижение оленеводства с севера. Что касается правобережных групп восточных хантов, а также северных хантов и северных манси, то более убедительной выглядит точка зрения о заимствовании ими оленеводства у северных самодийцев [Федорова Е.Г. 2000: 121–124].

Оленеводство у северных манси, как впрочем, и у каждой из других оленеводческих групп обских угров, имеет свои особен-

ности. Его называют отгонным (В.А. Козьмин), горно-таежным отгонным (А.В. Головнев). Для оленеводства этого типа характерны такие признаки, как небольшой размер личного стада (до 100 голов), вертикальное кочевание при амплитуде в 300–500 км, летний выпас объединенных (до 300–400 голов) стад, использование для окарауливания стада собак, транспортное применение оленей в зимний период, чем объясняется большая доля ездовых оленей в стаде [Козьмин 1986: 53–54; Головнев 1993: 86–87]. По мнению А.В. Головнёва, процесс формирования отгонного горно-таежного оленеводства завершился в XIX в. [Головнев 1993: 96–97].

Возможно, это произошло даже несколько позже. В.А. Козьмин, считавший, что северные манси не знали таежного оленеводства (см., например: [Козьмин 2003: 72]), все же неоднократно обращал внимание на присутствие в мансийском оленеводстве признаков, характерных именно для этой формы. Это специальные приспособления для замедления бега оленя, колокольчики, оленьи сараи. В одной из своих ранних работ он определял оленеводство северных манси как вариант таежного с отгонной вертикальной системой выпаса, которая соответствует тундровой оленеводческой системе [Козьмин 1981:18]. Позднее о зафиксированных в мансийском оленеводстве признаках таежного В.А. Козьмин писал: «Эти свидетельства не дают определенного представления о существовании навыков таежного оленеводства у манси. Скорее, все это — факты индивидуальных мотиваций конкретных людей. Но полностью исключать влияние хантыйского оленеводства нельзя» [Козьмин 2003: 73]. Нужно заметить, что признаки таежного оленеводства у северных манси фиксировались целым рядом исследователей вплоть до последней четверти XX в.

Интересно, что и у некоторых информантов существовала определенная точка зрения, касающаяся времени появления оленеводства у северных манси. В частности, ляпинские манси говорили автору настоящей статьи, что «олени появились после Ермака», оленеводство было принесено людьми Мось (одна из двух мансийских фратрий), которые пришли с запада, со стороны Урала [Федорова Е.Г. 1992: 26].

Прежде чем говорить об оленеводстве манси, следует рассмотреть вопрос о том, какое же население обитало на территориях, связанных с этим видом деятельности.

Как установлено, территория, занимаемая предками манси в период от раннего железного века до развитого средневековья включительно, в своих северной и восточной частях не везде достигала тех районов, где позднее обитали вогулы (манси), зафиксированные этнографическими источниками. Время продвижения в эти районы, вероятно, соотносится в основном с периодом распада обско-угорских княжеств в процессе включения коренного населения Сибири в состав Российского государства. Началось это продвижение, скорее всего, под давлением тюркоязычного населения, для противостояния которому, вполне возможно, и создавались у обских угров те потестарные образования, которые получили название княжеств. Существует мнение, что угорские княжества могли возникнуть еще в XII в. н.э. [Федорова Н.В. 1984: 20–21].

Северные манси занимают бассейн Северной Сосьвы и ее самого крупного притока р. Ляпин, живут по Оби в нескольких поселениях на территории современных Белоярского и Октябрьского районов Ханты-Мансийского автономного округа (рис. 1), а также в верховьях рек Лозьва и Пелыма (север Свердловской области). Это та группа, которая, среди аналогичных подразделений обских угров, по мнению всех исследователей, считается поздним образованием. Как полагает венгерский исследователь П. Вереш [1978: 111; 1983: 555], около XIII в. манси появляются в бассейнах рек Северная Сосьва и Лозьва, где смешиваются с хантами, проживающими там с усть-полууйского (железный век), а, возможно, с еще более раннего времени. К более позднему периоду относят процесс формирования северных манси отечественные ученые. Н.А. Миненко определяет его рамки первой половиной XVIII в., считая, что он завершился за очень короткое время [Миненко 1975: 144–145]. З.П. Соколова предполагает, что начало процесса формирования северных манси было вызвано расселением татар на юге края и христианизацией прикамского населения Стефаном Пермским (XIII–XIV вв.). Но основной приток мансийского населения

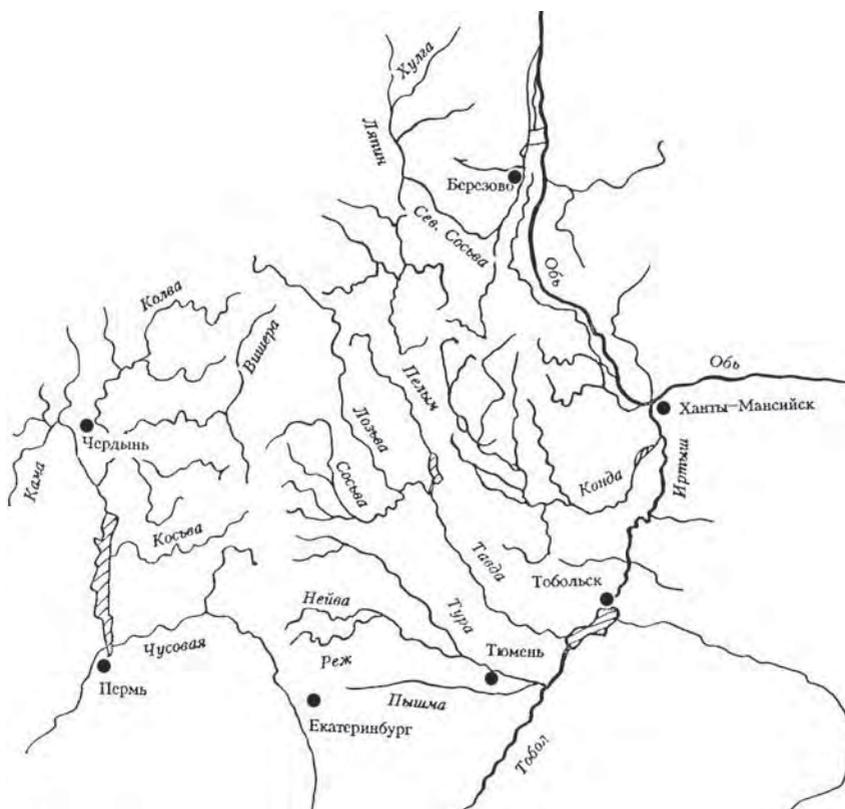

Рис. 1. Территория расселения северных и западных манси

на территорию, где складывались северные манси, пришелся на XVII–XVIII века. Завершение формирования этой этнографической группы приходится на конец XIX в. [Соколова 1982: 31; 1984: 32, 43].

Бассейн р. Северной Сосьвы с ее крупным притоком р. Ляпин — территория, за которой закрепилось название «югра», еще в XI в. известно восточным славянам как наименование населения, проживавшего в Северном Приуралье. В течение XII в. Югра постепенно включается в состав владений Великого Новгорода. С 1265 г. формально это новгородская волость, а с разгромом Новгорода Московской на Югорскую землю стало распространяться влияние

Московского княжества, которое с начала 1480-х годов все больше укрепляло там свои позиции.

На протяжении почти двух столетий югру связывали с обскими уграми, полагая, что первоначально это слово было наименованием территории, а затем перешло на обитавшее там население. Существовала и противоположная точка зрения: «югра» — этноним, перешедший на определенную территорию, бассейн Оби и Северной Сосьвы с Ляпином [Руденко СПФ АРАН. Д. 6. Л. 21].

Предполагалось, что сначала югорский ареал находился где-то в бассейне Камы, в основном между большой излучиной Волги и Уралом, затем он сдвинулся на восток и во второй половине XIV в. достиг Оби [Хайду 1985: 36]. В «Книге Большому Чертежу», составленной в 1627 г. на базе более ранних источников, городки по Сосьве и Ляпину также называются «Югра» [Книга Большому Чертежу 1950: 170].

В связи с тем, что этноним *югра* исчезает из письменных источников в начале XVI в. [Бахрушин 1935: 4], получила распространение точка зрения, согласно которой он был заменен на «вогул» и «остяк». В результате югру стали считать предками либо остяков, либо вогулов, либо и тех, и других одновременно, полагая, что появление двух этнонимов означало то, что русскими обские угры стали восприниматься как два обособленных народа [Хайду 1985: 33]. В стороне осталось предположение, что югра — это особый народ угорского происхождения, наряду с остяками и вогулами [Дмитриев 1894: 24, 27]. К нему вернулись, насколько известно, лишь во второй половине 1990-х годов.

В документах, относящихся к рассматриваемому периоду, на территории Урала и Северо-Западной Сибири отмечено четыре названия, принадлежавших коренному населению: остяки, вогуличи (гогуличи, богуличи), югричи, самоедь. Они упоминаются, например, в грамоте 1572 г., согласно которой известным уральским землевладельцам и промышленникам Строгановым предоставляется определенная свобода действия по отношению к Сибирскому ханству, — «збирая охочих людей и остяков и вогулич, и югрич и самоедь» [Миллер 1937: 339–340]. В грамоте, давшей Строгановым

право на земли по р. Тоболу (1574 г.), говорится: «*А остяков, и вогуличей, и югричи и жены их и дети от Сибирских, от ратных от прихода берегчи*» [Шульц 1926: 26].

Таким образом, югричи выступают как самостоятельный народ. Возникает вопрос о правомерности соотнесения югры, фигурирующей в документах до начала XVII в., только с остяками или вогулами более поздних источников, тем более что, если в одном ряду перечисляются, например, татары и остяки, для всех очевидно, что это разные народы (в данном случае речь не идет о тех ситуациях, когда, по мнению исследователей, дана неправильная привязка этнонима — в каждом конкретном случае это имеет свое объяснение).

Археологические материалы, сопоставленные с письменными источниками, позволили по-новому подойти к этому вопросу, а именно — предположить не угорское, а пермское происхождение югры (в связи с уже доказанным широким присутствием предков коми-зырян на территории летописной югры), во-первых, и считать югру исчезнувшей как племенное объединение в результате походов Москвы второй половины XV в., во-вторых [Курлаев 1997: 109, 115].

Одно из последних упоминаний о Югорской земле, жителями которой были югричи, как установлено, относится к 1606 г., после чего термин «Югорская земля» сохраняется лишь в титуле русских царей [Бахрушин 1935: 4; Попов 1973: 148]. В данном случае важно не только то, что исчезло название территории как результат внедрения новой административной системы, но и то, что перестало существовать вполне определенное этническое (?) образование, в XV–XVI веках привязываемое к вполне конкретным территориям — Северной Сосьве с ее притоком Сыгвой (Ляпин) [Бахрушин 1935: 3] и, судя по всему, чем-то отличавшееся от перечисленных в одном ряду с ним.

Пермскую принадлежность югры оспаривает В.В. Напольских [Напольских 1998: 349; 2005: 258]. По его мнению, югра представляет собой народ «неустановленной этноязыковой принадлежности, не относящийся ни к собственно обским уграм, ни к собственно ненцам, ни к пермянам» [Напольских 1998: 349].

Исчезновение югричей с исторической арены объясняется, следовательно, тем, что часть их была уничтожена, а оставшиеся, видимо, подверглись ассимиляции со стороны вогулов, остяков и, вероятно, самодийцев и коми-зырян. В то же время встает проблема о соотношении угорского, пермского, самодийского а, возможно, и какого-то иного населения на территории Зауралья и Нижнего Приобья, частично также и Приуралья, в первой половине II тыс. н.э. Если исходить из того, что югра занимала бассейн Ляпина, Северной Сосьвы, выходила на Обь, а другое население на этой территории в данный период в источниках не фигурирует, следует, видимо, предполагать, что до второй половины XV в. остяков и вогулов здесь не было, хотя они и обитали где-то по соседству.

Сведения о московских походах на Ляпин говорят о том, что обитателями верховьев рек прилегающей к этой части Уральских гор территории были самоеды, занимавшиеся оленеводством.

Если ориентироваться на локализацию Югорской земли по документам конца XVI в. [Бахрушин 1935: 67], то она соотносится с территорией Ляпинского княжества, распавшегося после восстания 1607 г. ляпинского князя Шатрова, выступившего в союзе с обдорскими остяками против русских и потерпевшего поражение [Там же: 68].

Потомками ляпинского князя Лугуя (отца Шатрова) по одной из линий считаются куноватские князья Артанзиевы (Артанзеевы), добившиеся официального признания своего княжеского достоинства со стороны русского правительства и сохранявшие свою власть даже в XIX в. [Бахрушин 1935: 68]. В данном случае важно то, что эта фамилия, зафиксированная в первой половине XVII в. и на территории Ляпинского княжества, указывает на самодийское происхождение ее носителей. В ненецком языке слово *тэнз* означает «племя», «народ», возможно, оно служило и для обозначения фратрий [Долгих 1970: 58–60].

Также с *тэнз* образована распространенная и в наше время фамилия Хатанзеев, встречающаяся в низовьях Печоры, среди колвинских ненцев, в восточном Приуралье [Хомич 1976: 110] и на Ляпине. Происхождение этой фамилии связывается с европейски-

ми ненцами когда-то многочисленного тэнза Лэхэ (Лагей, Лохей, Логей, Лага, Лагай) (см., например, [Долгих 1970: 60]), обитавшего на Канинском полуострове и в Большеземельских тундрах, где его подразделения были известны и под названием «югорские самодеды» [Там же: 16].

Таким образом, население Ляпинского княжества могли во многом составлять самодийцы, не говоря уже о том, что ими были заняты приуральские и западно-сибирские тундры. Нельзя не отметить, что это княжество вообще тяготело к более западным территориям: в конце XVI в. ляпинский князь, в подчинении которого находились городки по Ляпину, Северной Сосьве, а также в низовьях уже правого притока Оби — р. Куноват, платил ясак на р. Вынь [Миллер 1937: 267]. Это вполне объяснимо, если учесть, что эти земли оказались первыми в процессе освоения Сибири Новгородом и Москвой, уже в первой половине I тыс. н.э. их обитатели должны были ощутить на себе воздействие восточно-славянской культуры.

В XVII в. территорией, где продолжался процесс формирования северных манси, с большой долей уверенности можно считать Ляпинскую волость. В Куноватской и Подгородной волостях преобладающим всегда было хантыйское население. Вместе с тем результаты анализа брачных связей за XVIII в. указывают на тесные контакты между населением Ляпинской и двух других волостей. Из общего числа межволостных браков по Ляпину 29 % приходится на Куноватскую волость, которая занимает в данном случае второе место после Сосьвинской, и 16,4 % — на Подгородную (3 место) [Соколова 1990: 96, табл. I]. Кроме того, в процессе освоения промысловых угодий отдельные мансийские семьи переселялись за пределы Ляпинской волости, в том числе и на территорию Куноватской и Подгородной. Но это явление нельзя назвать массовым, т.к. сформированная царской администрацией система учета плательщиков ясака привязывала в определенной степени коренное население к тем территориям, на которых оно оказалось к моменту включения его в состав Российского государства. Для переселения из волости в волость требовалось разрешение.

Таким образом, во-первых, достаточно четко определяется территория формирования северных манси, во-вторых, если говорить о внутриугорских контактах, то основная роль здесь отводится обитателям Ляпинской и Сосьвинской волостей, в-третьих, можно думать, что с первой четверти XVII в., процесс взаимодействия оказавшихся на Сосьве и Ляпине вогулов с остяками и самоедами происходил внутри волостей — Ляпинской, Сосьвинской и Подгородной. Кроме того, можно полагать, что в это время еще не исчезло окончательно то население, которое именовалось югрой.

Северные манси в прошлом были известны под названием «остяки». Тем не менее еще Г.Ф.Миллер, ориентируясь на язык коренного населения Северной Сосьвы и Ляпина, называл его вогулами, т.е. манси [Миллер 1999: 278]. Позднее об этом писали практически все исследователи, в чьих работах так или иначе рассматривалось население обозначенной территории. Но название «вогулы» за уграми бассейна Северной Сосьвы и Ляпина официально закрепленным можно считать после первой переписи населения Российской империи 1897 г., хотя этноним «остяки» оставался в употреблении в течение разного времени у различных территориальных групп. Нельзя не отметить, что в представлении тех манси, среди которых автором этой статьи собирался материал в 1970–1980-е годы и которые не были знакомы со специальной литературой, название «вогулы» имело более негативный оттенок, чем название «остяки». Кроме того, ни один информант в таких случаях на вопрос, кто такие вогулы и где они живут или жили, не смог дать четкого ответа. Как правило, местами их обитания назывались те территории, где самим информантам бывать не приходилось.

Название «остяки» распространялось и на манси верховьев Лозьвы и Пелыма. В частности, еще по переписи 1926 г. в Ивдельском районе Тагильского округа, в который входила эта территория, числилось 98 остяков и 13 вогулов [Статистический справочник Тагильского округа 1929: 47]. Но, судя по имеющимся материалам, в первую очередь лингвистическим, собранным здесь в этот период В.Н. Чернецовым [Источники 1987: 20–29], речь

идет именно о манси, хотя сам В.Н. Чернецов называет их остяками. В конце 1980-х годов верхнелозьвинские и верхнепелымские манси также утверждали, что в прошлом их называли остяками. Но, в отличие от сосьвинско-ляпинской группы, они давали более определенную территориальную привязку вогулов — среднее течение Лозьвы и Сосьвы (Уральской) [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1555: 26]. Тем не менее все северные манси имеют общее самоназвание *манси*.

Внутри северных манси выделяются группировки, объединенные, наряду с другими признаками, общим самонаванием. Оно включает в себя наименование реки или части ее течения и слово «народ» — *махум*: *тагт махум* — сосьвинские манси, *лосум махум* — лозьвинские манси, *сакв махум* — ляпинские манси, *ас махум* — обские манси. Верхнепелымские манси известны современным представителям того же народа под названием *полум махум*. Их можно объединить в одну группу с верхнелозьвинскими, а к группе *ас махум* относятся еще и манси низовьев Северной Сосьвы. Все перечисленные группы, по принятой в угроведческой литературе классификации, являются территориальными. Внутри них выявляются еще более мелкие подразделения, в частности, *ат пауль махум* — «одной деревни люди».

Приведенные здесь наименования территориальных групп являются не только самонаваниями, но и названиями, которые используются манси для определения территориальной принадлежности представителей своего народа. Кроме них существуют прозвища. Например, для манси низовьев Северной Сосьвы известно прозвище *калям* («чайки»), девушек с Ляпина, вышедших замуж в верховья Северной Сосьвы, называли *сорт аги* («щучьи девушки») [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1733: 72]. В таких прозвищах присутствует ссылка на духов-покровителей указанных мест, зооморфные образы которых отражены в орнаменте, маркировавшем данные подразделения. Кроме того, в прозвищах заложена информация о специфике культуры их носителей. В частности, хорошо было известно, что те же «щучьи девушки» должны были соблюдать ряд запретов, связанных с обработкой и употреблением в пищу щуки.

Все исследователи, занимавшиеся изучением мансийского языка, объединяют языки манси перечисленных групп, за исключением верхнепелымской, в одну группу диалектов — северную. Н. Абрамов, выделяя в остяцком языке в Березовском крае четыре группы, обозначал сосвинско-ляпинскую как Югорскую и отмечал, что в ней «самая большая часть слов вогульских, потому что вогулы с издавна смешались с здешними ляпинскими остяками и известны стали под именем сих последних» [Абрамов 1857: 332].

По Б. Мункачи, северная группа диалектов распространялась по рекам Сосьве, Ляпину, Верхней Лозье [Чернецов 1937: 165]. А. Каннисто включал в северную группу языки манси Северной Сосьвы, Конды, Пелымки, Вагильска, Лозьвы [Kannisto 1913–1918: 16–17]. В.Н. Чернецов выделял в сосвинском диалекте верхнесосвинский, ляпинский, сосвинский и обской говоры, а верхнедозьвинский считал отдельным диалектом, близким к сосвинскому [Чернецов 1937: 165]. С этой точкой зрения согласились А.Н. Баландин и М.П. Вахрушева [1957: 6] (хотя А.Н. Баландин сосвинский говор делил на два: средне- и нижнесосвинский [Баландин 1959: 3–4]), К. Редеи [1970: 78], З.П. Соколова [1975: 193–194] и другие исследователи. Е.И. Ромбандеева, опираясь на материалы середины XX в., конкретизировала состав северной диалектной группы. Она включила в нее следующие говоры: верхнедозьвинский (верховья Лозьвы — дер. Суеват, охотничьи юрты, чумы); верхнесосвинский (селения Усть-Манья, Яны-пауль, Хулимсунт, Менкья, Сангитур, Нильдино, Няксимволь); среднесосвинский (селения Кимкьясуй, Патрасуй, Куги, Сартынья, Сосьва); нижнесосвинский (Тоболдино, Алтатумп, Анеево, Игрим, Люлюкары, Ванзетур, Резимово, Малеевка); усть-сосвинский или обский (Нарыкары, Проточные, Вежакары); сыгвинский (Щекурья, Саранпауль, Хангла, Пулак, Хошлог, Хурумпауль, Ломбовож) [Ромбандеева 1973: 6]. В целом определяемые лингвистами диалекты и говоры соотносятся с основными территориальными группами, выявляющимися по самоназванию.

Интересно заметить, что с точки зрения современных обских манси, главный язык — хантыйский, а мансийский — «побочный». «Когда земля установилась, все боги говорили на хантый-

ском языке, с животными нужно говорить по-хантыйски. Манси, жившие на Оби, знали хантыйский язык, ханты же по-мансийски говорили редко» [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1614: 60]. Здесь можно видеть отражение миграционных процессов, а именно проникновение незначительных по численности группировок манси на хантыйскую территорию, где они и обосновались, как предполагают исследователи (В.Г. Бабаков, З.П. Соколова и др.), и стали считать отдельные ее фрагменты «своим местом». Не исключено, что в данном случае присутствует указание и на ситуацию, характерную для каких-то очень ранних периодов этнической истории обских угров, когда началось дробление обско-угорской лингвистической общности.

Наиболее ранние данные о численности предков современных северных манси относятся к началу XVII в. Цифры разнятся в зависимости от того, какой коэффициент применялся при определении численности населения. Так, З.П. Соколова, используя коэффициент 3,2, получает численность северных манси (Ляпинская, Сосьвинская, Подгородная волости) на 1629 г. в 1498 чел. [Соколова 1982: 28, табл. 5]. Е.А. Пивнева берет коэффициент 4 и определяет на начало XVII в. численность вогулов Сосьвинской и Ляпинской волостей в 1888 чел. [Пивнева 1999: 26, табл. 1 д]. Если же сюда добавить население Подгородной волости (нижнее течение Северной Сосьвы, р. Вогулка, район Оби около устья Северной Сосьвы, т.е. той территории, на которой обитают нижнесосьвинская и обская группы манси) — 60 ясачных людей [Буцинский 2003: 18], то численность населения, которое можно считать мансийским, возрастает до 2128 чел. Это цифра, близкая к современной (имеется в виду население сельской местности).

Определение численности населения осложняется еще и тем, что в разных источниках различаются базовые цифры, отражающие число ясачных душ. Все же, по имеющимся приблизительным данным можно сказать, что к концу XVII в. численность остяков (манси) трех названных волостей заметно увеличилась, в начале XVIII в. она несколько упала, а к его концу снова увеличилась [Соколова 1982: 28, табл. 5; Пивнева 1999: 26, табл. 1 д]. Колебания численности имели место и на протяжении XIX в. (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности манси Березовского округа
Тобольской губернии конца XVIII — XIX в.**

Численность населения	1763	1816	1829	1838–1839	1843–1851	1853	1897
мужчин	1201	1364	1365	1364	1277	1348	1347
женщин	–	1267	1106	1189	1056	1179	1245
Итого	1201	2631	2471	2553	2333	2527	2597

[по: Мурзина 1953: 221].

Данные по численности манси отдельных волостей за этот же период приводит Е.П. Мартынова (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности северных манси в конце XVIII — XIX в.

Волости	1795	1816	1859	1897
Сосьвинская	838	1098	995	1098
Ляпинская	1458	1533	1249	1086
Итого:	2296	2633	2244	2184

[по: Мартынова 1994: 193].

На начало 1903 г. по Сосьве и Ляпину числилось 1727 вогулов (895 мужчин и 832 женщины), а по Оби — 593 (288 мужчин и 305 женщин) [Дунин-Горкавич 1996: 260]. Данные о численности северных манси в разных источниках 1920-х годов разнятся по причине того, что в это время сосьвинско-ляпинские манси по-прежнему назывались остяками. В частности, при проведении переписи населения 1920 г. по Уральской области в Тобольском округе, в состав которого тогда входил Березовский уезд, вогулы не значатся [СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 473. Л. 1]. Даже в 1926 г. в документах местного значения манси Березовского района входят в число остяков. Так, в «Сведениях о количестве населения Березовского, Кондинского, Обдорского, Самаровского, Сургутского, Уватского районов Тобольского округа Уральской области на 1 октября 1926 г.» вогулы на территории Березовского района не фигурируют [Судьбы... 1994: 118].

Но именно здесь они появляются в итоговых документах переписи населения 1926 г. По Березовскому району их значится 3346 человек [Чернецов 1937: 164]. Таким образом, за 20 лет, с начала XX в., их численность выросла на 1000 чел.

Естественно, эта цифра вызывает сомнение, тем более что территория Березовского уезда с 1918 г. уменьшилась. Можно предположить, что ко времени проведения переписи 1926–1927 гг. население бассейна Северной Сосьвы более четко осознавало свою этническую принадлежность, чем в предшествовавшие периоды. Кроме того, в переписи участвовали хорошо подготовленные люди. В частности, в это время на Северной Сосьве находился В.Н. Чернецов. Несмотря на то что это был начальный период его научной деятельности, он уже по языковому признаку мог отличить остяков от вогулов.

Западные манси, которым, как было сказано выше, также было известно оленеводство, вместе с южной группой этого народа были известны русским преимущественно под названием «вогулы». Они населяли крайне западные районы мансийского ареала: западные и восточные склоны Урала, лесное Зауралье (рис. 1). Это бассейны Вишеры с ее крупным притоком р. Колвой и других левых притоков Камы, впадающих в нее уже ниже по течению — Косьвы, Чусовой, Сылвы, по рекам Пелым, Средняя и Нижняя Лозьва с Ницей и Тагилом, Южная Сосьва с Лялей [Сokolova 1982: 17, 19]. Предполагается, что к этой же группе относились манси, жившие когда-то по Печоре и Вычегде [Там же: 17]. Южная граница западно-мансийского ареала проходила по р. Пышме [История Урала 1976: 36]. По современному административному делению это практически вся Свердловская область, а также вся примыкающая к ней на западе часть Пермской области. Именно эти земли представляются исконно мансийскими, в отличие от бассейнов рек Конды и Северной Сосьвы с Ляпином, где позднее формировались этнографические группы манси, называемые, по принятой сейчас классификации, восточными и северными.

Первое упоминание о вогулах, насколько известно, относится к концу XIV в. Оно содержится в составленном Епифанием Пре-

мудрым Житии Стефана, поставленного в начале 1380-х годов епископом в Пермь и крестившего обитателей Пермской земли. На страницах, где дается ее географическая характеристика, говорится: «А се имена местом, и странам, и землям, и иноязычником, живущим вокруг около Перми: двиняне, устьюжане, вилежане, вычегжане, пинежане, южане, сырьяне, гаиане, вятчане, лопь, корела, югра, пещера, вогуличи, самоедь, пертасы, пермь великая, глаголемая чусовая» [Житие 1995: 64].

В западной части обозначенного ареала по отношению к манси встречалось и название «остяки», в частности, в районе р. Чусовой, наличие которого здесь, как и в ряде других мест, иногда служило основанием для предположения о проживании на этих территориях хантов. В действительности ситуация не была такой однозначной. На некоторых территориях, например в Приуралье, ханты никогда не жили [Чернецов АМАЭ. № 294: 7].

Нужно заметить, что самоназвание *манси* использовали не только те группы, которых русские именовали вогулами, но и жившие в этой части обско-угорского ареала остяки. Названия территориальных групп складывались, как и у северных манси, из двух компонентов: названия реки и слова «народ, люди» (например, *лосум махум* — лозьвинские манси, *полум махум* — пельымские манси).

По принятой в настоящее время лингвистической классификации в составе западной диалектной группы мансийского языка выделяются пельымский, вагильский, среднелозьвинский и нижнелозьвинский диалекты, а по отношению к XVIII в. еще и кунгурский, верхотурский, чердынский (включавший в себя усть-улский или вишерский) диалекты [Чернецов 1937: 165; Kálmán 1976: 10]. По мнению некоторых лингвистов, язык вагильских манси распадался на два диалекта: северовагильский и южновагильский [Rédei 1970: 188]. В прошлом западных манси отличала, по-видимому, еще большая языковая раздробленность: почти в каждой деревне был свой говор [Kálmán 1976: 10].

Отражением этой сложной картины, за которой стоят этноисторические процессы, является то, что на ранних этапах изучения мансийского языка западные диалекты рассматривались в сочета-

нии с другими. Так, венгерский исследователь Б. Мункачи объединял в одну группу (южную) исчезающие во второй половине XIX в. среднелозьвинский, нижнелозьвинский, пелымский (по Пелыму и Вагилу), кондинский, тавдинский диалекты и противопоставлял ее северной, включавшей в себя язык манси верховьев Лозьвы, Северной Сосьвы с притоками и Оби [Munkácsi 1890: 321 (цит. по: [Баландин 1939: 9]). Финский ученый А. Алквист писал, что много общего имеется между лозьвинским и кондинским диалектами [Ahlquist 1859: 30]. Другой финский исследователь, А. Каннисто, в некоторых своих работах тоже объединял диалекты западных и восточных манси в северную группу, но противопоставлял им южную — севернее среднего течения р. Тавды [Kannisto 1913–1918: 16–17; 1919]. Обитавших здесь манси у современных лингвистов принято называть южными.

А. Каннисто включал в одну подгруппу диалекты по Тавде, Сосьве (Южной или Уральской), Пелыму, отличая их от верхнечусовского, чусовского и вишерского диалектов. К.Ф. Карьялайнен, хорошо известный по своей работе о религиозных представлениях обских угров, опираясь на особенности языка и культуры вогулов, различал у них три культурные области: 1) западную; 2) кондинскую; 3) северную [Карьялайнен 1994: 16].

Таким образом, первоначально существовала тенденция к объединению по языковым признакам западных, по современной классификации, манси с южными или восточными (кондинскими), либо с теми и другими. О близости пелымского, тавдинского и кондинского диалектов позднее говорил также В.Н. Чернецов, отмечавший большую обособленность северных диалектов [Чернецов 1953: 221]. Окончательно выделение западных, южных и восточных диалектов в самостоятельные диалектные группы оформилось к концу 1930-х годов.

Слабая изученность западных, как и других групп манси, за исключением, как уже говорилось, северных, не дает возможности выявить особенности культуры территориальных групп, а их, судя по количеству диалектов и говоров у западных манси, могло быть больше, чем у других этнографических групп этого народа. То же можно сказать и относительно культуры южных, по совре-

менной классификации, манси, непосредственно соседствовавших с западными.

Об условности отнесения манси бассейнов тех или иных рек к западной и южной группам в свое время писала З.П. Соколова [1982: 16, 19], что так же, как и языковые данные, может указывать на определенную монолитность коренного населения западной части мансийского ареала. Об этом же свидетельствует то, что по отношению к этим группам, как уже отмечалось, русские употребляли название «вогулы».

Можно думать, что эта монолитность была обусловлена тем, что большинство из перечисленных выше групп манси входило в состав так называемого Пелымского государства, что задавало, хотя, возможно, и на короткие периоды, общую для всех групп направленность этнических и социальных процессов. Вместе с тем до объединения в его рамках эти группы, видимо, имели определенные различия в языке и культуре, не исчезнувшие за время его существования и сохранившиеся позднее. Эти два обстоятельства — единообразие этнических процессов и уже имевшиеся языковые и культурные особенности — и позволили позднее исследователям, с одной стороны, объединять западных и южных манси, присоединяя к ним восточных, также когда-то входивших в состав Пелымского государства, с другой — говорить о наличии множества различающихся между собой групп.

В разные периоды своего существования Пелымское государство включало в себя различные территориально-племенные подразделения вогулов, объединявшиеся для борьбы с внешним врагом. Помимо собственно Пелымского княжества в качестве удела в состав Пелымского государства входили Конда, Табары, а также часть течения р. Тавды до Табар [Бахрушин 1935: 76]. При набегах на Пермь с его стороны могло участвовать значительное число воинов. В частности, в 1581 г. — 700 чел. [Там же].

Податное население Пелымского государства было поделено на «сотни» и несло повинности (служба в ополчении, уплата податей) в пользу местных князей и знати. Часть населения, видимо, платила им ясак (пушниной). Предположительно, князья имели и торго-

вую монополию. Есть данные о существовании в Пелымском государстве рабства [Кондинский край 2006: 14–15].

Из-за смешанного состава населения Пелымского княжества вопрос о численности обитавших на его территории манси по отношению к XVI–XVII векам и даже более позднему времени вряд ли можно считать решенным.

По мере проникновения на восток русские строили остроги и городки. После того как ими был построен г. Пелым, в конце XVI в. к Пелымскому уезду были приписаны все вогульские волости по Тавде, Пелыму, Сосьве и Лозьве, а также вогульские волости Большая и Малая Конда, располагавшиеся в верховьях Конды [Миллер 1999: 277].

Территории, на которых обитали вогулы, постепенно попадали в сферу интересов Строгановых. В 1558 г. ими была получена жалованная грамота на земли по Каме от Соли Камской до устья р. Чусовой, в 1568 г. — жалованная грамота на владение землями по Чусовой, а в 1574 г. (см. выше) — на места по р. Тоболу в Сибири [Миллер 1999: 206]. Строгановы получили возможность полностью использовать эти земли, но должны были защищать ясачных вогулов от нападений татар и подчинить иртышских татар русскому государству [Там же: 207], что в результате вылилось в походы Ермака.

В процессе развития русских городов не могли не затрагиваться интересы коренного населения. Прежде всего это было связано с сельскохозяйственным освоением новых земель, при котором города были своего рода точкой отправления для пришлого населения. Возможности земледелия для русских были ограничены в силу специфики природно-климатических условий: северная граница русского земледелия в XVII в. проходила по р. Тавде [Громыко 1965: 43]. Официально русским переселенцам было запрещено занимать земли коренного населения, если это нарушало его интересы [Преображенский 1972: 169], тем не менее южные районы обско-угорского ареала оказались занятыми пришлым крестьянским населением. Вогулы под давлением пришельцев вынуждены были мигрировать, либо, оставаясь на своих местах, подвергались влиянию иноэтнической культуры, что привело к их аккультурации и полной или частичной ассимиляции.

Чердынские (вишерские) вогулы на рубеже XVI–XVII веков входили в состав образованного в 1598 г. Верхотурского уезда, который в это время занимал территорию от верховьев р. Уфы до истоков Печоры и от бассейна Камы до бассейна Иртыша (вдоль Урала). Но в 1607 г. они снова были приписаны к Чердынскому уезду [Долгих 1960: 26]. В XVII в. западные манси входили в состав Чердынского уезда Пермской губернии и Верхотурского и Пельымского уездов Тобольской губернии [Соколова 1982: 17]. Верхотурский уезд, в частности, включал в себя территории от устья р. Тагил по верхнему течению Туры с притоками, по рекам Лозье, Сосье, Ляле, Лобве, верховьям Косьвы, Уфы и Чусовой. В первой четверти XVII в. в него входило 12 волостей, 10 из которых были вогульскими (Туринская, Верх-Туринская, подгородная Лялинская, вторая Лялинская, Мулгайская, Сосьвинская, Лозьвинская, Косьвинская, две Чусовских). Еще две волости были населены татарами. В уезде также фиксировался остяцкий юрт Невье. В 1626 г. в Верхотурском уезде числилось 30 юрт, в которых проживало 296 ясачных людей: из них 228 вогулов [Буцинский 2003: 14–15]. Численность западных манси в целом постепенно уменьшалась. Так, в начале XVII в. их было 1784 чел., а к концу XIX в. осталось всего 777 чел. [Соколова 1982: 14, табл. 1].

Одно из свидетельств о вогулах, относящееся ко второй половине XVII в., характеризует их как живших около Урала охотников, не знавших земледелия, но умевших строить плетенные из ветвей юрты с дымовыми трубами (под которыми, видимо, нужно понимать чувалы. — *Е.Ф.*). Важно отметить, что ближайшими соседями вогулов обозначены татары, которые занимали территорию до Тобольска [Алексеев 1936: 28–30].

В XVIII в. граница между чердынскими и кочующими в ведомстве г.Березова югринскими вогулами (т.е. северными манси. — *Е.Ф.*) пролегла по верховьям Лозьвы и правым притокам Пелыма. Югринскими (югорскими) называли группу вогулов, доходивших до верховьев р. Усы [Любарских 1792: 59], по всей вероятности, только летом, поскольку в зимний период жить на Полярном Урале невозможно.

Продвижение вишерских вогулов в верховья Лозьвы происходило на протяжении XVIII–XIX веков. В 1788 г. на Вишере фиксирова-

лось семь вогульских юрт, на Лозьве же их было более 20, а в 1872 г. на Вишере осталось всего три вогульских семьи. Остальные (д. Усть-Улс, Кленовская, население по дороге из Екатеринбурга в Пермь) уже обрусели или переселились на восток [Малиев 1872: 13].

В конце 1830-х годов оседлые вогулы — 795 мужчин и 833 женщины — жили в Туринском округе Тобольской губернии. Кочевых вогулов в том же округе было 905 мужчин и 858 женщин. Они занимали территорию по Сосьве, Лозьве, Пелыму и притокам этих рек [Гагемейстер 1854: 27].

Не исключено, что продвижение вогулов к северу по западным склонам Урала происходило довольно поздно, уже после присоединения их к Российскому государству. Возможно, существовали какие-то споры из-за территорий, для разрешения которых требовалось вмешательство верховной власти. Так, известно, что еще Борис Годунов удовлетворил просьбу вогулов от 1598 г. об их утверждении на землях в верховьях Косьвы [Акты исторические 1841: 26].

Формирующийся образ жизни оленеводческого населения Северного Урала обусловил его мобильность. Оленеводам требовались закрепленные за отдельными семьями пастбища. Возможно, это было причиной того, что в конце XVIII в. с Северного Урала вернулись на свои исконные земли выходцы с верховьев Северной Сосьвы, которые, насколько можно судить по имеющимся источникам, первыми освоили верховья Лозьвы. Вместо них сюда пришли чердынские вогулы. Их права на земли были закреплены особой грамотой Екатерины II [Малиев 1872: 13].

В XIX в. кочующие вогулы Верхней Лозьвы не фиксировались южнее дер. Першино (сохранившийся до настоящего времени населенный пункт, расположенный недалеко от г. Ивдель). Численность населения в этих юртах на 1869 г. составляла 87 чел. У истоков Лозьвы, ближе к Уралу, располагались юрты Бахтияровы, дальше по Лозьве, на участке между устьем р. Вижай и устьем р. Тошемки — юрты Коврижкины, еще ниже по течению Лозьвы — юрты Елесины, Укладовы, Шеины, Юркины [Малиев 1872: 12]. По сведениям из документа «Метрическая книга, данная из Верхотурского Духовного Правления Верхотурского уезда, Всеволодоблагодатского завода во Всеволожскую церковь» (Пермская Духовная

консистерия), в последней четверти XIX в. в Коврижкиных юртах числились еще вогулы Елесины, а в Шеиных — Укладовы и Анямовы [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1555: 15].

Судя по немногим имеющимся публикациям по некоторым подразделениям западных манси, относящимся к последним десятилетиям XIX в., эти группы, несмотря на тесное и длительное взаимодействие с инокультурным населением, сохраняли культурную специфику еще в последней четверти XIX в. С языком дело обстояло не так уж однозначно. В частности, И.Н. Глушков отмечал, что лозьвинские манси говорят исключительно на родном языке, по-русски кое-как могут объясняться лишь некоторые мужчины [Глушков 1900: 16]. Довольно любопытное замечание по поводу западных манси сделал Н. Малиев: по-русски говорят старые вогулы, молодые же, а также женщины и дети, понимают только отдельные фразы [Малиев 1872: 8]. Можно думать, что его наблюдение относится к тому времени, когда контакты манси и русских были более слабыми, чем в предшествовавший период.

Из перечисленных выше фамилий Бахтияровы, Укладовы, Елесины, а также переселившиеся в верховья Северной Сосьвы Сампильталовы (Самбиндаловы), которые вели свое происхождение от одного предка с Елесинами, являются выходцами с р. Вишеры. Предки современных Самбиндаловых вернулись в Свердловскую область после начала коллективизации. Таким образом, в верховьях Лозьвы и Пельма постоянно шло смешение двух угорских групп: переселенцев с верховьев Вишеры и с верховьев Северной Сосьвы. По данным, полученным на протяжении XX в., эта группа признавала за собой название «остяки» [Источники... 1987: 20 и др.; Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1555: 26]. В середине 1920-х годов в Ивдельском районе числилось 13 вогулов и 98 остяков [Статистический справочник 1929: табл. 9].

Смена этнической принадлежности вогулами по обе стороны Урала была обусловлена притоком больших масс иноэтнического населения на угорские территории, пригодные для земледелия и скотоводства. Пришельцы оказывали большое влияние на язык и культуру коренных жителей, занимавшихся теми же видами хозяйственной деятельности.

Вышесказанное относится к тем группам манси, с которыми, по этнографическим источникам, можно связывать мансийское оленеводство.

Расселившиеся по западному и восточному склонам Урала и Зауралья группы манси оказались в разных природно-климатических условиях, что и явилось причиной формирования особенностей, в первую очередь, культуры территориальных групп. На юге было возможно земледелие, на севере наиболее выгодным занятием стало оленеводство, хотя оно фиксировалось даже у вогулов, живших по рекам Тагилу и Туре, причем олени фигурировали там как ездовые животные [Козьмин 1980: 167].

Естественно, при решении проблем культуругенеза исследователи пытаются выявить истоки и пути формирования элементов и явлений этнической культуры. В ряде случаев, когда речь идет о прямых заимствованиях, решение этой проблемы упрощается, если этнос-донор очевиден, даже при условии, что заимствование произошло достаточно давно.

В связи с рассматриваемыми здесь вопросами, относящимися к тому мансийскому оленеводству, которое можно охарактеризовать по этнографическим материалам, важно определить, под воздействием какого инокультурного населения могло возникнуть и трансформироваться это занятие и связанные с ним элементы культуры. Судя по имеющимся источникам, здесь может идти речь о ненцах и коми. Есть еще одна версия: манси заимствовали оленеводство от северных хантов, с которыми также непосредственно контактировали в левобережной части низовьев Оби. Последнее вполне согласуется с точкой зрения, согласно которой северная группа манси сформировалась очень поздно, вытеснив с Северной Сосьвы и Ляпина обитавших там хантов, уже знавших к тому времени оленеводство.

Если считать, что манси заимствовали оленеводство от самодийцев, то следует определить, о какой конкретно группе ненцев в данном случае может идти речь. Насколько можно судить, оленеводство северных манси, с учетом вышесказанного об этнической истории этой группы, связывается с так называемыми войкарскими самоедами (тундровыми), которые, входя в состав Обдорской волости, кочевали в пределах Куноватской и Ляпинской волостей

Березовского уезда, где преобладающим населением были ханты и манси [Васильев 1979: 86]. В архивных материалах за 1695 г. родовой состав этой группы не нашел отражения, при этом численность ляпинской самоеды определялась в 76 чел. обоего пола [Там же: 88]. И в составе данной группы присутствовали роды Хэтанзи (Хатанзей) и Яптик, Яптики, Япти. Последние объединялись с родами Саби (Сабе) и Сопли [Там же: 86]. Если фамилия Хатанзеев, по крайней мере по источникам XX в., связывается с ненцами, то среди Яптиных присутствуют и манси.

Нужно заметить, что род Хэтанзи наряду с родами Тысына (Тысына) и Лэхэ не входил в состав постоянного ясачного населения Обдорской волости. Это были Большеземельские, т.е. европейские ненцы [Васильев 1979: 87]. Хэтанзи — это название основного рода европейских лесных ненцев, встречающееся в документах XVII в., которое переводится как «паук светлой окраски с длинными ногами» [Хомич 1976: 110]. Ненецкое происхождение имеет и мансийская фамилия Немдазин, известная со второй половины XVIII в. [Васильев 1979: 96].

Анализируя имеющиеся по фамильному и численному составу ненцев материалы, В.И. Васильев поставил под сомнение предположение Б.О. Долгих о том, что войкарские ненцы Березовского уезда и европейские лесные ненцы Пустозерского уезда Архангельской губернии представляли собой одну этнографическую группу лесных самодийцев, которая была разделена только по месту уплаты ясака и административной принадлежности, а также мнение Н.А. Миненко о том, что основная масса ляпинских и куноватских ненцев сформировалась из европейских переселенцев [Васильев 1979: 98]. Он считал, что, ляпинские и куноватские самоеды, скорее всего, «осколок этнической общности, возникшей на восточных склонах Урала в процессе продвижения предков ненцев на север Сибири» [Там же]. Эта точка зрения основана на гипотезе о южном происхождении самодийцев, которая в последние десятилетия все больше подвергается сомнению.

Но здесь нельзя не отметить такой момент: на обозначенной территории, вполне возможно, самодийцы, наверное, оленеводы, предшествовали уграм.

Обобщая сказанное, следует подчеркнуть, что, в первую очередь, для выяснения вопроса о происхождении мансийского оленеводства, нужно понять, что же представляли собой ляпинские ненцы. Эту группу до сих пор крайне сложно назвать изученной. Пожалуй, здесь уместно привести мнение информантов, которые на вопрос, почему ненки, вышедшие замуж за коми, носят зырянскую одежду, отвечали: Ненцы пришли сюда вместе с коми, они даже своего языка не знают [ПМА 2014].

С ненцами манси-оленоводо-в объединяли такие характеристики, как использование для окарауливания стада собак, упряжек, на которых пастухи объезжали стадо, частая смена пастбищ. Кроме того, среди манси распространились нарты так называемого самодийского типа (косокопильные), чум, который по-мансийски называется *ёрн кол* ('ненецкий дом'), меховые сумки, некоторые блюда, не характерные для охотников и рыболовов, а также одежда из оленьего меха. Причем особенно заметное влияние было оказано на мужскую одежду. Широкое распространение как одежда, наиболее приспособленная для нового вида деятельности, а также для поездок на большие расстояния, получила малица (рис. 2), заимствованная вместе с термином (см.: [Федорова Е.Г. 1994: 122–129; 1995: 123–128; Козьмин 2003: 209–219]). С женской верхней плечевой одеждой ситуация иная: изменился материал для ее зимнего варианта (рис. 3) и способ украшения.

Большое влияние на развитие оленеводства оказали коми-зыряне, у которых оно носило товарный характер: выделка и продажа замши.

Считается, что коми заимствовали оленеводство у европейских ненцев. Начало этого процесса приходится на середину XVII в. Причем первоначально коми отдавали своих оленей на выпас ненцам, затем стали выходить в тундру сами [Жеребцов 1982: 162]. За довольно короткий срок коми усовершенствовали систему выпаса оленей: ввели регулярное круглосуточное окарауливание стада. Эта система стала основной в восточно-европейских тундрах, она распространилась и на ненецкое оленеводство [Там же: 166].

Особенно важным в связи с вопросом о заимствовании оленеводства северными манси представляется такая черта оленеводче-

Рис. 2. Манси в малицах. Север Свердловской области. 1987 г. Фото автора

ской культуры коми, как оседлость так называемого ижемского типа, когда семьи оленеводов жили в постоянных поселениях в срубных домах, а со стадами кочевали только пастухи [Жеребцов 1982: 167].

К концу XIX в. район, освоенный коми-зырянами, начинался от Урала и кончался за р. Надым. Большая часть коми, спустившись со своими стадами в сентябре-октябре с Урала, оставалась между реками Ляпин и Сыня. При этом они постоянно контактировали с приуральскими зырянами. В верховьях Ляпина и верховьях Северной Сосьвы начинались так называемые Сибиряковские дороги, связывавшие азиатскую и европейскую части России. По первой из них в с. Ижму перевозились различные товары, в том числе, продукция оленеводства. Ее обслуживанием занимались кочующие зыряне [Дунин-Горкавич 1995: 120–122].

Рис. 3. Женщина в шубе из оленьего меха.
Верховья р. Лозьвы. 1908 г. Фото И. К. Зеленова

Проникновения коми в Северо-Западную Сибирь начались еще во времена походов Новгорода и Москвы. Но тогда они еще не занимались оленеводством. Оленеводы коми расселяются там с середины — второй половины XIX в. В конце XIX в. в верховьях Ляпина было около 20 зырянских семей, которые владели 20 000–30 000 оленей [Дунин-Горкавич 1995: 122; Козьмин 2003: 85].

Около 1850 г. в верховьях Ляпина как стационарное поселение возникает деревня Саранпауль (в переводе с мансийского — «зырянская деревня»), ставшая основным транзитным пунктом между низовьями Оби и с. Ижма, в котором проводилась обработка оленьих шкур [Дунин-Горкавич 1995: 123–124; Козьмин 2003: 85].

Проникновение коми за Урал вызывало негативную реакцию со стороны коренного населения. Оно было недовольно тем, что коми торговали спиртными напитками, охотились на чужих территориях, воровали оленей, их стада вытаптывали пастбища. Но, как писал главный губернский лесничий Тобольской губернии А.А. Дунин-Горкавич, *«упрекать же зырян в том, что они занимаются оленеводством, исключительно как средством наживы, едва ли основательно. Это уже будет протест против развития оленеводства, а, следовательно, и против экономического развития, которое находится в зависимости от средств передвижения, да и самая жизнь в этом крае, по климатическим условиям, немыслима без оленеводства»* [Дунин-Горкавич 1995: 125].

Все же в начале 1896 г. администрацией было отдано распоряжение о полном выселении в двух-трехмесячный срок зырян из Саранпауля, где в это время проживало 300 чел. Коми подали прошение в Петербург, и выселение было отменено [Дунин-Горкавич 1995: 123–124]. На протяжении XX в. роль Саранпауля постепенно увеличивалась, он стал центром оленеводства коми, ненцев и манси в Сосьвинско-Ляпинском Приобье.

В связи с вопросом о происхождении мансийского оленеводства нужно отметить, что Саранпауль демонстрирует пример оседлости ижемского типа. Проживавшие по Ляпину и Северной Сосьве манси также имели постоянные зимние поселения с бревенчатыми жилищами, на сезонных (летних) поселениях использовались как постоянные, так и временные постройки.

Постоянные зимние поселения были, во всяком случае, уже в начале XX в. в верхнем течении Лозьвы, где манси также держали оленей. По данным В.Н. Чернецова, побывавшего на Лозьве в 1925 г., манси обитали в небольших селениях (по 1–2 семьи). Зимой жили в бревенчатых домах, реже — в чумах. Образ жизни был тот же, что и у других групп. Зимой занимались в основном охотой, летом рыболовством. Оленеводство имело транспортный характер [Источники 1987: 14, 18].

Таким образом, можно предположить, что оленеводство было заимствовано оседлыми или полuosедлыми манси, охотниками и рыболовами, продолжавшими сохранять сложившийся ранее хозяйственно-культурный комплекс, хотя оно и дало толчок к его трансформации [Федорова Е.Г. 2016: 262].

Значение оленя как транспортного животного возросло, как считается, с XVII в. в связи с повышением роли пушного промысла, предполагавшего и рост подвижности населения. В принципе, оленеводство у большинства северных манси носило подсобный характер. Лишь отдельные семьи кочевали в течение всего года. Заметным было и число безоленных хозяйств. Так, в конце XIX в. по Северной Сосьве их было 14 %, а по притоку этой реки Ляпину — 40 % [(Дунин-Горкавич 1996: 108–109)].

То, что оленеводство в прошлом воспринималось как признак своей культуры (и, видимо, достаточно важный) может подтверждаться присутствием среди наиболее значимых божеств бога-покровителя оленеводов, хозяина территорий, примыкавших к Северному Уралу. Это Нёр-ойка, который считался третьим сыном верховного бога Нуми-Торума. По представлениям манси, он вместе с семьей обитал на Урале в доме из камня, который был выложен золотом и в который не проникала вода. Уровень этого божества среди миров-ярусов Вселенной определялся как уровень высоты хорея. В жертву ему приносили белого оленя (подробнее см.: [Федорова Е.Г. 1996]).

Вместе с тем исследователи подчеркивают чуждую палеосибирскому субстрату природу Нёр-ойки в мировоззрении и обрядах манси: отсутствие этого божества как участника шаманских ритуалов и медвежьего праздника, во время которого исполняются лишь посвященные ему мелодии [Люцидарская 2001: 99].

Авторы ряда работ конца XIX — начала XX в. делили манси на богатых и бедных, ориентируясь на размер оленьих стад, находившихся в их собственности. При этом приводятся взаимоисключающие точки зрения: оленеводов среди вогулов мало [Кузнецов 1887: 742], богатых оленеводов среди вогулов нет [Варсонофьева: 97], вогулы-олленеводы не имеют больших стад [Макаревичский 1907: 6], раньше оленей имел каждый вогул [Остроумов 1904], у северных вогулов на богатую семью приходится несколько сот оленей, на среднюю — несколько десятков [Носилов: 20], у богатых иногда несколько тысяч оленей, но живут они бедно [Сорокин 1873: 44]. В.Н. Чернецов, ориентируясь на численность оленей на одного человека, замечал, что лозьвинских манси оленеводами в полном смысле слова назвать нельзя [Источники 1987: 24].

Вряд ли деление манси на богатых и бедных, в основе которого лежит размер оленьего стада, можно назвать однозначно правильным, потому что манси прежде всего охотники и рыболовы тайги. Трудно сказать, как они сами в это время определяли уровень своего достатка. Но нужно отметить, что и в последней четверти XX в. у манси в личном пользовании оленей было значительно меньше, чем у коми или ненцев.

Далеко не у всех манси размер стада доходил до 100 голов. Имеющиеся в публикациях данные о стадах в несколько тысяч голов вызывают сомнение. Большие стада — это, скорее всего, объединенные для летнего выпаса, хотя наиболее удобный в данном случае вариант — не более 500 оленей. Летом они выпасались под присмотром нескольких пастухов.

Собирать оленей для летнего выпаса с окрестных юрт сосьвинско-ляпинских манси начинали в первых числах апреля. Пастухами чаще всего были владельцы крупных собственных стад. Известно, что манси Вынгилевы и Вадичуповы держали от 50 до 100 оленей, у ляпинского манси А. Хозумова было 700 голов [Северная Сосьва: 1992: 23].

До Урала двигались, объединившись по два-три стада, в течение в среднем пяти дней. Договорившись о распределении летних пастбищ, расходились на места отела, который начинался в конце апреля. В это время требовалось круглосуточное окарауливание

стада. В «комариный период» на летних пастбищах, находившихся в горных тундрах, оленей снова объединяли, поскольку стадо менее 500 голов в это время выпасать сложно. Вместе оленей содержали и в период гона (середина сентября — середина октября). В конце октября начинали передвижение в сторону зимних пастбищ. Охотники, владевшие оленями, забирали только ездовых животных, оставляя остальных в общем стаде, безоленные охотники получали упряжку от пастухов-оленоводов [Северная Сосьва 1992: 23–24].

На Северном Урале в XIX в. вогулы-оленоводы сосредоточились, как было сказано, в верховьях Лозьвы. Несмотря на благоприятные для ведения оленеводства условия горных тундр, манси не перешли полностью к кочевому образу жизни. В первую очередь этому препятствовали стойкие традиции доленеводческой культуры, а также, видимо, проблема с пастбищами, на которых вытаптывали ягельники большие стада коми.

В 1930-е годы олени фиксируются у населения практически всей Северной Сосьвы, Ляпина, а также в границах Ивдельского района, где из 23 хозяйств манси только два были безоленными. На остальных приходилось 974 оленя (всего по району — 1854) [Федорова Е.Г. 2002: 117].

В процессе коллективизации значительная часть поголовья была обобществлена. К последней четверти XX в. оленеводство как занятие сохранилось у следующих территориальных групп северных манси: верхнеляпинских, верхнесосьвинских, верхнелозьвинских и верхнепелымских.

Со второй половины 1930-х годов на Крайнем Севере началась массовая коллективизация. Создавались простейшие производственные объединения (ППО) или простейшие производственные товарищества (ППТ) для сезонного объединения средств производства (без их обобществления) и трудовых усилий групп семейств: рыбаки и охотники совместно пользовались рыболовными и охотничьими угодьями, оленеводы совместно выпасали оленей. Добытая продукция распределялась в зависимости от имущественного пая. Это было характерно и для традиционной культуры манси. Затем стали создаваться производственные бри-

гады с новой формой распределения, основанной на трудовом вкладе каждого из членов коллектива. С 1938 г. коллективные хозяйства стали переводиться на устав артели, подразумевавший повышение степени обобществления и получение плановых заданий на сдачу продукции оленеводства и промыслов государству [Пивнева 1995: 84–86].

На территории обитания северных манси был создан ряд колхозов, члены которых, наряду с охотой и рыболовством, занимались оленеводством. Удельный вес этого занятия в разных колхозах различался, как и численность населения и его национальный состав.

Так, сельскохозяйственная артель им. К. Маркса (дер. Щекурья) объединяла 87 хозяйств с населением в 378 чел. (149 коми, 162 манси, 67 ненцы). Среди хозяйственных занятий на первом месте здесь стояло оленеводство (28,4 % от общего валового дохода) с общим поголовьем оленей на начало 1940 г. 3261 голов, из них обобществленных 2761 [Пивнева 1995: 87–88]. В колхозе им. Сталина (с. Саранпауль), который также вел комплексное хозяйство, было 181 хозяйство. 70,7 % из них составляли коми, 22,1 % ненцы, 6,6 % манси, 0,6 % русские. В начале 1940 г. общее поголовье оленей насчитывало 5278 голов, из них обобществленных 5148 голов [Там же: 89]. В колхозе им. Ленина (ю. Ясунт), который включал в себя 27 хозяйств (135 человек манси и 17 ненцы), оленеводство имело подсобное значение, большая часть оленей находилась в личном пользовании. Аналогичная ситуация наблюдалась и в колхозах Ломбовожского сельсовета: колхозы им. Калинина (ю. Хурумпауль) — 32 хозяйства, 136 чел., им. Молотова (ю. Межи) — 16 хозяйств, 89 чел., им. Ворошилова (ю. Ломбовож) — 59 хозяйств, 218 чел. Здесь все члены колхоза были манси. Занимались они преимущественно рыболовством и охотой. Большая часть оленей находилась в личном пользовании в основном как средство передвижения во время охоты [Там же: 91–92].

В колхозе им. Чапаева (с. Сартынья) было 33 хозяйства (45,5 % ненецких, 33,3 % коми, 18,2 % манси, 3,0 % русские). Всего населения насчитывалось 143 чел. Общее поголовье здесь составляло в 1940 г. 1157 оленей, причем в основном не обобществленных.

Основное их использование — транспортное во время охоты. В Сартынбинский сельсовет входил еще ряд колхозов с аналогичной направленностью оленеводства: им. Сталина (ю. Шомы) — 11 хозяйств, 59 чел., 253 оленя, им. Ворошилова (ю. Кути) — 11 хозяйств, 50 чел., 56 оленей, им. Кирова (ю. Бедкаж), 217 оленей, им. 1 Мая (ю. Тоболдины) — 7 хозяйств, 42 чел., 75 оленей. Все члены колхоза — манси [Пивнева 1995: 93–96].

Нужно отметить, что роль и характер оленеводства, размер поголовья, степень обобществления оленей уменьшались по мере продвижения к низовьям Северной Сосьвы. Население, обитавшее выше по течению этой реки и в верховьях ее притока р. Ляпин, в большей степени можно назвать оленеводческим. На остальных территориях занимались главным образом рыболовством и охотой, а также животноводством, извозом, огородничеством. Здесь следует подчеркнуть один важный момент: колхозы, где оленеводство играло важную роль и давало заметный процент от общего валового дохода, были смешанными по национальному составу. В них входили коми, ненцы, манси.

Исключением стал колхоз «12 лет Октября» (с. Березово, низовья Северной Сосьвы). Здесь в 1938 г. было 3048 голов обобщественных оленей и 200 необобщественных на 101 хозяйство (1940 г.), из которых 62,4 % составляли коми, 36,6 % русские, 1,0 % ненцы [Пивнева 1995: 100]. Мансийские хозяйства в это время в колхозе не отмечены.

В результате преобразований, проводившихся еще с довоенного периода, в верховьях Ляпина оленеводство стало превращаться в ведущую отрасль хозяйства. После всех мероприятий по укрупнению колхозов оно сосредоточилось в совхозе «Саранпаульский», который был образован в 1961 г. Там для этого оказались наиболее подходящие условия. Передача оленей в Саранпауль (рис. 4–6) происходила и в послевоенные годы.

После того как олени из мелких колхозов по Северной Сосьве и Ляпину были переданы в этот совхоз, туда переехали и некоторые оленеводы-пастухи, жившие в небольших селениях. Это привело к частичному изменению фамильного состава внутри территориальных групп северных манси.

Рис. 4. Вид села Саранпауль. 1976 г. Фото автора

Рис. 5. Вид села Саранпауль. 1976 г. Фото автора

В середине 1970-х годов на территории Саранпаульского сельсовета (Саранпауль, Щекурья, Ясунт, Хурумпауль, Хошлог, Пулахи), образованного еще в 1920 г., числилось 625 хозяйств с населением в 2078 чел. Из них коми 963 чел., манси 405 чел., ненцев 176 чел., русских 484 чел., прочих 50 чел. [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1158: 170].

Рис. 6. Вид села Саранпауль. 2014 г. Фото автора

В совхозе «Саранпаульский» в это время насчитывалось основного поголовья оленей около 20 000 голов. Размер одного стада составлял 1800–2000 голов, включая личных оленей. Перед совхозом ежегодно ставились задачи по выполнению и перевыполнению плана. Так, «Социалистические обязательства оленеводческого совхоза «Саранпаульский» на 1976 г.» включали в себя несколько пунктов, связанных с оленеводством: 1) иметь выходное поголовье оленей на 1.01.1977 г. 20 000 голов, в том числе маток 10 000 голов; 2) сохранить взрослое поголовье на 91 %; 3) получить деловых телят на 100 важенок — 72 голову; 4) сдать государству мяса 1500 ц при плане 1400 ц [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1158: 13].

Поскольку хозяйство совхоза было комплексным, в планах и социалистических обязательствах отражались и другие виды деятельности. В частности, в 1976 г. совхоз должен был продать государству 2400 шкурок серебристо-черных лисиц на сумму 312 000 руб., надоить на одну фуражную корову 200 л молока, заготовить грубых кормов для общественного животноводства 450 т, выловить рыбы 2000 ц, сдать государству промысловой пушнины на 30 000 руб. [Там же: 14].

Пастухов было 66 чел. Всего же в стадах работало 107 чел. Большая часть оленеводов совхоза в то время — коми и ненцы. Манси составляли 25 % (22 чел.) от общего числа занятых в оленеводстве. Полностью из манси состояла только одна бригада — № 7, которой в середине 1970-х годов руководил Г.Я. Солянов, в предыдущей пятилетке награжденный орденом «Знак почета». Кроме того, манси входили в состав еще нескольких бригад. Обычно в бригаде имелось пять опытных пастухов и один-два ученика.

За каждой бригадой были закреплены постоянные пастбища. Площадь пастбищ составляла более 1 млн га. Северная их граница — территория совхоза «Мужи», верховья р. Хулги, оз. Балбанты, южная — верховья р. Щугора. Восточная граница проходила около р/п Березово, по р. Кемпаж, до пос. Сосьва, западная — около 100 км за Уралом по р. Кажим. С севера на юг и с запада на восток протяженность пастбищ составляла 300–400 км [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1158: 99].

Пастбища каждой бригады имели свои особенности, в связи с чем строился и маршрут кочевания. В частности, олени первой бригады находились на зимних пастбищах с конца декабря по апрель. Оленей заводили в лес, где они паслись сами. Совершали объезд оленей, смотрели, чтобы не было волков. Весной оленей собирали и с апреля уходили в горы. До пастбища, на котором происходил отел (в мае), могло быть до одиннадцати касланий. Это одиннадцать дней. Раньше отдельно пасли маточное поголовье. Сейчас этого не делают, возможно, потому, что в целом сократилось поголовье оленей. На летних пастбищах находились с июля до августа. До осеннего пастбища было не очень далеко — пять касланий [ПМА 2014].

Во второй бригаде пастух все время находился при стаде. У мансийской бригады не было постоянных летних пастбищ: в течение лета перегоняли оленей с весенних пастбищ на осенние. Окарауливание стада производилось круглосуточно, за исключением той его части, в которой находились ездовые олени. Их проверяли периодически. Окарауливание производилось на нартах, а на зимних пастбищах в лесу — на лыжах. В каждой бригаде было по 20–25 нарт, 12–15 собак, у каждого оленевода — по две пары лыж.

Маршрут кочевания бригада меняет только в случае необходимости: олень знает свой маршрут, может найти дорогу, самки идут на места отела. Маршрут могут менять из-за погодных условий. Если весной пропустить образование наста, олени быстро уйдут. Оленеводы знают, что в каждое время года олени теряются в определенном направлении. Кроме того, если есть дикие олени, домашний может уйти с ними.

Пересчитывать оленей регулярно, по словам информантов, нет необходимости. Для подсчета оленей нужны корали, но тогда, когда стадо заметно уменьшается.

Приемы окарауливания стада зависят от времени года, особенностей местности и т.п. В частности, если снег глубокий, окарауливание производится на лыжах, при мелком снеге — на оленьих упряжках. Если лес густой, пастух также идет на лыжах. Для долины, пересеченной местности используются лыжи-голицы, а в сырую погоду — лыжи, подшитые оленьим камусом.

Когда оленевод уходит на лыжах, он берет с собой продукты и ружье, двухлопастной посох для проверки наличия ягеля (заранее или в процессе окарауливания). Ему нужно успеть обернуться в течение светового дня. При этом отсекается старая тропа, поскольку олени назад не пойдут. Если стадо большое, его окарауливают два человека, которые идут с двух сторон.

В пургу, когда сильный ветер, или летом, если много комаров на чистовине (чистое место, поляна), стадо оленей «крутится». Причем «крутятся» крайние — беспокойные, молодняк, а взрослые, спокойные, находятся в середине и «крутятся» редко.

В совхозных стадах выпасались также олени, находившиеся в личной собственности. Официально разрешалось держать до 100 голов, в реальности же эта цифра могла быть и больше. Число личных оленей всегда фиксировалось, что называется, «со слов».

По словам информантов, больше всего личных оленей было у коми. Манси, как и в предшествовавшие периоды, не имели много оленей, поскольку основным занятием для них была все же охота. Олени использовались главным образом как транспортные животные. В стаде № 7 на 1.01.1976 г. личных оленей насчитывалось 181. Больше всего личных оленей числилось за бригадиром — 51

[Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1158: 108]. В течение года их число снизилось до 130 голов в целом и до 47 у бригадира. Немало по меркам того времени в этом стаде выпасалось личных оленей, принадлежавших манси У.Т. Гындыбиной (32 в 1976 г. и 29 в 1977 г.) и П.А. Хозумовой (21 и 22 соответственно). Личные олени манси содержались и в других стадах [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1146: 146]. К сожалению, принцип распределения не принадлежавших пастухам оленей по стадам установить не удалось.

Периодически в бригады ездил ветеринарный врач. Для разъездов по стадам у каждого специалиста имелась лошадь. Но в бригаду № 7 ветврачи попадали редко, так как ее пастбища располагались далеко от поселка.

Благодаря ветеринарному обслуживанию удавалось избегать эпизоотий. Последняя эпизоотия ящура была в 1956 г. Но потери оленей все же случались. В 1975 г. совхоз потерял 2,5 тыс. оленей. Это считается близким к норме. На зимовках на оленей нападают волки, которые могут отбить часть стада. Для отстрела волков (с вертолета) заключали договор с охотинспекцией района. На вертолете облетали район расположения стада, рядом с которым, по сообщению оленеводов, появились волки.

Профессия оленевода в это время считалась престижной. Самая высокая зарплата (до 300 руб.) среди рабочих совхоза была именно у оленеводов. Нужно заметить, что после школы работать оленеводами шли дети пастухов. Профессия была наследственной, бригады строились по родственному принципу.

Жены пастухов также работали в оленеводческих бригадах — в должности чумработниц. Они занимались приготовлением пищи, установкой жилища и поддержанием его в порядке, шитьем и починкой одежды. Специальных мастерских по пошиву производственной одежды не было. Оленеводы носили малицы зырянского типа. Они длиннее ненецких и отличаются покроем капюшона. Под малицу надевали покупную одежду, а поверх — наверхницу из ткани. Но малицами пользовались не все: оленеводы начали переходить на ватники. Вместе с родителями на пастбище находились и дети дошкольного возраста. Школьники приезжали на каникулы (подробнее см.: [Федорова 1986: 152–154]).

Рис. 7. Усадьба манси-оленевода. Дер. Кимкьясуй. 1991 г. Фото автора

Оленеводы имели постоянное жилье в Саранпауле или окрестных деревнях. Они проводили там отпуск, переселялись туда после выхода на пенсию (рис. 7).

Продукция оленеводства в это время в основном отправлялась за пределы совхоза. Мясо через заготовителей поступало в Березовский коопзверпромхоз. Часть его распределялась между рабочими совхоза. Оленеводам разрешалось забивать оленей для собственных нужд из расчета 15 кг мяса в месяц на одного взрослого и 7 кг — на одного ребенка. Шкуры поступали на Омскую пушную базу. Оленеводам для шитья одежды выделялись шкуры четырнадцати оленей. Эти расходы строго контролировались [Федорова Е.Г. 1986].

Манси, не имевшие в это время оленей в личной собственности, с трудом доставали шкуры для того, чтобы сшить традиционную одежду (малицы, парки, женские шубы, обувь). И это стало одной из причин ее исчезновения из широкого обихода.

Несколько иной была ситуация у той группы манси, которая в это время обитала на северных склонах Урала. В середине

1980-х годов, по словам информантов, у верхнелозьвинских манси Бахтияровых, Самбиндаловых, Анямовых, Пеликовых было 1000 оленей. На жителей юрт Анямова приходилось 500–600 голов [Федорова Е.Г. 2002: 118].

Каждая семья имела свои постоянные пастбища. У некоторых летних пастбищ было несколько. Например, даже еще в конце XIX в. Бахтияровы одно лето проводили на горе Кваркуша, другое — на Чувальском Камне, а в снежные зимы перегоняли стадо на восточный склон Урала, где у них имелись постоянные зимние юрты [Глушков 1900: 12, 32].

В начале 1980-х годов весенние стоянки одной из семей оленеводов были в верховьях Тошемки, летние — в горах на границе Свердловской и Пермской областей, а также в Пермской — до верховьев рек Уньи и Вишеры.

В мае в горах происходил отел оленей, а летом, на Ильин день, — забой. Он сопровождался праздником, во время которого обращались к Мир-сусне-хуму, испрашивая благополучие для себя, своих семей, удачу в оленеводстве. К осени возвращались на места весенних стоянок, к зиме перегоняли оленей в верховья Тапсуя.

В свободное время пастухи здесь занимались рыболовством. В верховьях горных речек водился хариус. Его кололи копьем, имевшемся на конце хорей (но в последние годы хорей делали без копия).

В постсоветский период продукция оленеводства на Северной Сосьве и Ляпине не пользовалась спросом. По словам информантов, «коммерсантам» было выгоднее завозить говядину из Германии вместо того, чтобы организовать продажу оленины. Примерно в это же время перестали заниматься оленеводством и манси Свердловской области. Исчезло оно и в верховьях Северной Сосьвы.

У некоторых манси остались олени в личной собственности. По зафиксированным на начало 2000-х годов данным, на территории Саранпаульской администрации личных оленей имели всего 8 манси — от 5 до 48 голов на человека. Всего у манси было 120 оленей, которые выпасались в пяти стадах. Нет уверенности в том, что это точные сведения. Число личных оленей всегда фиксировалось, как отмечалось, «со слов».

К началу 2000-х годов ситуация с оленеводством ухудшилась. Как уже было сказано, его продукция не пользовалась спросом. Совхоз «Саранпаульский» был преобразован в государственное унитарное оленеводческое предприятие. Поголовье оленей к 1998 г. сократилось до 14 000. Численность работников уменьшилась с 420 до 150 чел. Дополнительные рабочие места на 60–100 чел. возникают во время забоя оленей. В 1992–1993 гг. была упразднена как наиболее затратная бригада № 10, в 1994 г. — бригада № 11, в 1995–1996 гг. — бригада № 7. Это было вызвано недостатком финансирования, необходимого для выплаты зарплаты и обеспечения транспортом [Федорова Е.Г. АМАЭ. № 1729: 43].

Часть оленей в предприятии забили, остальных распределили по другим бригадам. Размер стада составлял около 1800 голов: увеличить его не получалось, а стадо меньшего размера держать невыгодно. В летнее время оно увеличивалось до 3–4 тыс. за счет молодняка и частных оленей, которых разрешили держать в неограниченном количестве. Их владельцы, в основном, сами оленеводы, а также пенсионеры и дети. То, что в это время личные олени были не только у тех предствителей местного населения, которые непосредственно занимались оленеводством, свидетельствует о сохранении особого отношения к этому виду деятельности.

Зимние пастбища занимают территорию от Северной Сосьвы до Огуры, летние находятся за Уралом (реки Лемва и др.). Есть также весенние (за Уралом) и осенние (г. Народа, Тальмер-ю, Налим-ю, Тынагота) пастбища. Оленеводы стали жить в избушках, которые начали строить в 1990-е годы. В стада отправляют новый инвентарь, аптечки, продукты, приемники и т.д.

Осенью из каждого стада забивали не менее 350 голов. Для забоя предназначалось 60–70 % молодняка. Шкуры в первой половине 1990-х годов отправляли в Тобольск, потом стали выбрасывать. Выделка замши здесь невозможна из-за наличия нерестовых рек, которые нельзя загрязнять. Оленье мясо почти не покупали.

По мнению П.Н. Филиппова, руководившего «Саранпаульским предприятием в конце 1990-х годов, если не будет помощи извне, то оптимальный вариант для местного оленеводства — оставить

только 5–6 оленьих стад. В этом случае продукцию оленеводства можно реализовать прямо на месте, без затрат на ее вывоз. Нужно также создать мини-заводы по переработке мяса с соответствующими технологиями, как это сделано в Норвегии и Финляндии [Федорова Е.Г. 2005: 26].

В 2010-е годы в «Саранпаульском», который по-прежнему называют «совхоз», вместе с молодняком было 14 000 оленей в четырех бригадах. После забоя осенью должно остаться 11 500–12 000 голов. Таким образом, число оленей на одну бригаду увеличилось. Всего в оленеводстве сейчас занято 40 чел. (коми, ненцы, манси). Остальные 23 штатных работника «Саранпаульского» шьют обувь для продажи, одежду для оленеводов, есть должности сторожей, зоотехника, ветеринара, водителей, радиста. Мужчины выходят на пенсию в 50 лет, женщины — в 45, хотя пенсионеры продолжают работать в бригадах.

Дети дошкольного возраста, а также школьники на каникулах живут вместе с родителями в бригадах. По словам директора «Саранпаульского» А.П. Валея, *«пока в школе не учатся, почти всех оленей знают “в лицо”, потом — нет»*. Знают, чьи олени, какие у них клички, различают по цвету, характеру. Дошкольник может ездить на оленьей упряжке, может отловить оленя, хотя у него не хватает сил, чтобы его удержать. Оленеводческий опыт перенимается «с маленьким количеством слов»: обучающиеся смотрят, что и как нужно делать, учитывают свои ошибки [ПМА 2014].

На зимних пастбищах оленеводы сейчас живут в домах. Дом, как и чум, один на всю бригаду. В бригадах есть генераторы, рации, спутниковые телефоны, ноутбуки, DVD-проигрователи.

По сравнению с предыдущим периодом большим спросом стала пользоваться оленина. Вкус оленьего мяса зависит от качества забоя. Сейчас его проводят в горах в ноябре-декабре. Позже олень худеет. Мясо вывозят в декабре, поскольку раньше «нет дороги». Шкуры оставляют в горах. Раньше молодняк забивали в октябре — в это время шкура без повреждений. Оленина поступает в Игрим, Березово, за ней приезжают из Екатеринбурга, Перми. Охотники и рыбаки заказывают до 10 туш. Переработка мяса и шкур здесь нерентабельна.

Своего рода символом и территории, и оленеводческого населения стал праздник День оленевода. Раньше он проводился в августе (под влиянием христианства его приурочили к Ильину дню) в горах, на пастбищах. Известно, что он сопровождался жертвоприношением оленей. В этом празднике, скорее всего, принимало участие немного народа. Основная масса владельцев оленей в это время находилась на летней рыбалке в низовьях Северной Сосьвы и на Оби. В горах же были только несколько семей оленеводов-манси и пастухи, которым на лето отдавали своих оленей остальные. Поскольку на этих же территориях выпасали оленей еще коми и ненцы, можно думать, что праздник уже в это время объединял все эти народы.

В советский период в Ильин день проводили праздник оленеводы верховьев Лозьвы. Но наиболее ярким и всеобщим он стал для населения Саранпауля.

Изменения, которые произошли к этому времени в культуре в целом и в оленеводстве в частности, привели к смещению даты праздника, трансформации его характера для основной массы оленеводческого населения. Его стали проводить в конце февраля — начале марта в пос. Саранпауль. В это время оленеводы вместе со стадами находятся на зимних пастбищах рядом с этим поселком. Праздник стал общим для всего населения, включая русских и представителей других народов, оказавшихся здесь в связи с промышленным освоением Севера. На нем обычно присутствуют гости со всего Ханты-Мансийского округа.

Праздник проводят на летном поле (рис. 8–10). Наиболее важная его часть — спортивные соревнования. Поэтому праздник День оленевода в средствах массовой информации называют еще олимпиадой. В программе — национальные виды спорта. Это различные гонки: на рысь, на мах, гонки стоя на нартах, на лыжах, прыжки через нарты, метание аркана на хорей (рис. 11–14).

Ко Дню оленевода бывает приурочено жертвоприношение животного. Оно проводится накануне той части праздника, которая предназначена для всего населения. В жертвоприношении участвует сравнительно небольшое число людей, в основном манси.

Рис. 8. День оленевода в пос. Саранпауль. 1998 . Фото автора

Рис. 9. День оленевода в пос. Саранпауль. 1998 г. Фото автора

Рис. 10. День оленьевода в пос. Саранпауль. 1998 г. Фото автора

Рис. 11. Соревнования на празднике День оленьевода. 1998 г. Фото автора

Рис. 12. Соревнования на празднике День оленевода. 2000 г. Фото автора

Рис. 13. Соревнования на празднике День оленевода. 2000 г. Фото автора

Жертва приносится либо божееству Нёр-ойке, либо членам его семьи. Ему приносят в жертву белого оленя, его дочери — овцу. Жертвоприношение проводится на определенном месте. Инициаторы обряда не всегда знают, где можно это сделать. В таких случаях обращаются к тем, кто располагает этой информацией. Например, место, где нужно проводить обряд, знают обитатели так

Рис. 14. Соревнования на празднике День оленевода. 1998 г. Фото автора

называемого большого дома — дома, где проводились коллективные обряды. Причем этой информацией может обладать и женщина — хозяйка большого дома.

Для поездки к месту жертвоприношения сейчас используют современный транспорт. В частности, участники обряда могут ехать и на автобусе, который выделяют специально для этой цели.

Участники обряда, независимо от национальной принадлежности, как правило, в одежде, которая обозначает приобщенность к среде обских угров. Это либо верхняя плечевая одежда, либо пояс — обязательная деталь костюма оленевода, либо национальное платье под обычным пальто или шубой. Деталь национального костюма также обозначает принадлежность к «своим». Но при обращении к богам рассказывают, кто пришел, кто откуда приехал. Каждый привозит с собой какую-либо свою жертву: продукты или платки, из которых знающие женщины связывают своего рода куклу. Ее вешают на дерево. Это жертва женам богов.

Пока мужчины забивают и разделявают оленя, женщины накрывают стол. Фактически это клеенка, которую расстилают прямо на утоптанном снегу. Широко используются покупные продукты. Обязательно употребление в пищу мяса жертвенного животно-

го — в сыром или вареном виде (по желанию). Желаящие также могут выпить оленьей крови. Знаком того, что жертва принята, является выпадение осадков.

Еще одной важной составляющей Дня оленевода являются семинары по традиционной культуре. Приехавшие на семинар мастерицы обмениваются опытом. Проводятся выставки предметов традиционной культуры (рис. 15). К семинарам сложно относиться однозначно. С одной стороны, они способствуют сохранению традиций. С другой, поскольку присутствуют представители разных районов Ханты-Мансийского автономного округа, разных групп не только манси, но и хантов, без всяких ограничений происходит заимствование каких-то элементов культуры, распространенных на «чужой» территории. В частности, в последней четверти XX в. это произошло с орнаментом, который традиционно являлся наиболее ярким показателем принадлежности к конкретной территориальной группе северных манси. Сложился некий ханты-мансийский фонд орнаментальных мотивов.

Сейчас сложно сказать однозначно, каковы же перспективы оленеводства в «Саранпаульском». Мансийское оленеводство уже можно считать исчезнувшим. В 2014 г. в нем было занято всего несколько представителей этого народа, хотя в верховьях Ляпина продолжает сохраняться одежда из оленьего меха, используемая в качестве праздничной. Личных оленей держат еще и для жертвоприношений. Божество-покровитель оленеводов по-прежнему входит в число наиболее почитаемых персонажей мансийского пантеона.

С появлением современных средств передвижения отпала необходимость в транспортном оленеводстве. Сокращение поголовья как будто свидетельствует не в пользу существования оленеводства в дальнейшем. Уменьшилась и численность профессиональных оленеводов. Но, может быть, сложившаяся сегодня в «Саранпаульском» ситуация с оленеводством демонстрирует именно оптимальный для данной местности его вариант. Как представляется, если не будет проблем с реализацией продукции это занятие, даже при всех нововведениях, все же сохранится у коми и ненцев [Федорова Е.Г. 2016: 313].

Рис. 15. Выставка во время работы семинара.
Пос. Саранпауль. 2000 г. Фото автора

Источники

- Руденко С.И.* Угры и ненцы Нижнего Приобья // СПФ АРАН. Ф. 1004. Оп. 1. Д. 66.
СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Д. 473. 7 л.
- Чернецов В.Н.* Манси (вогулы) / АМАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 294.
- Федорова Е.Г.* Полевые материалы 1976 г. Статистические данные 1977 г. Тюменская обл., Березовский р-н. В составе Северной экспедиции (Березовский отряд) // АМАЭ РАН. К. I. Оп. 2. Д. 1158. 170 л.
- Федорова Е.Г.* Полевые записи 1978 года. Тюменская обл. Березовский р-н. в составе Северной экспедиции (Березовский отряд) // АМАЭ РАН. К. I. Оп. 2. № 1146. 173 л.
- Федорова Е.Г.* Полевые материалы 1981 г. Тюменская обл., Березовский р-н. В составе Северной экспедиции (индивидуальный выезд) // АМАЭ РАН. К. I. Оп. 2. Д. 1251. 90 л. (смещение на 1 л.).
- Федорова Е.Г.* Полевые материалы 1987 г. Свердловская обл., Ивдельский р-н. В составе Северной экспедиции (Свердловская группа) // АМАЭ РАН. К. I. Оп. 2. Д. 1555. 82 л.
- Федорова Е.Г.* Материалы экспедиции к манси Березовского р-на Тюменской обл. // АМАЭ РАН. К. I. Оп. 2. Д. 1614. 78 л.
- Федорова Е.Г.* Материалы экспедиции 1998 г. (конец февраля — март) к манси Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области // АМАЭ РАН. К. I. Оп. 2. Д. 1729. 102 л.
- Федорова Е.Г.* Материалы экспедиции в Березовский р-н Тюменской области (манси верховьев Северной Сосьвы). 1999 г. // АМАЭ РАН. К. I. Оп. 2. Д. 1733. 92 л.

Библиография

- Абрамов Н.* Описание Березовского края // ЗРГО. 1857. Кн. 12. С. 327–448.
- Акты исторические. СПб.: [Б.и.], 1841. Т. 2. 482 с.
- Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск: Крайгиз, 1936. Т. 1. Ч. 2. 150 с.
- Баладин А.Н.* Основные правила произношения и правописания мансийского языка. Л.: Учпедгиз, 1959. 120 с.
- Баладин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийский язык: учебное пособие для педагогических училищ. Л.: ЛО Гос.уч.-пед. из-ва Мин. просв. РСФСР. 1957. 275 с.
- Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л.: Из-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1935. 86 с. с илл. и карт.

- Буцинский П.Н. К истории Сибири. Тюмень: Мандрика, 2003. 368 с.
- Варсонофьева В.А. Географический очерк бассейна реки Уньи // Северная Азия. 1929. Кн. 1, кн. 4 (окончание). С. 90–106.
- Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. М.: Наука, 1979. 244 с.
- Вереш П. Этнокультурное развитие угорских народов // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1978. С. 102–113.
- Вереш П. Общественные и этнические группы манси в XVII–XIX вв. // Congressus Qurtus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest 9–15 Septembris 1975. Budapest, 1983. P. V. S. 5–56.
- Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб.: [Б.и.], 1854. Ч. II. 697 с.
- Глушков И. Чердынские вогулы // ЭО. 1900. Т. XV, вып. 2. С. 15–79.
- Головнёв А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: изд-во Новосибирского ун-та, 1993. 204 с.
- Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.
- Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь: [Б.и.], 1894. Вып. V. 237 с.
- Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с. с карт.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 1. М.: Либерия, 1995. 376 с. с илл.
- Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Т. 3. М.: Либерия, 1996. 208 с. с илл.
- Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982. 224 с.
- Житие Стефана Пермского (подготовка древнерусского текста Т.Ф. Волковой, О.Б. Рыбаковой, перевод Г.М. Прохорова) // Святитель Стефан Пермский. К 600-летию со дня преставления. СПб.: Глагол, 1995. С. 50–264.
- История Урала. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1976. Т. I. 396 с.
- Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Из-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
- Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Томск: Из-во Том. ун-та, 1994. Т. 1. 152 с.
- Книга Большому Чертежу. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 232 с.
- Козьмин В.А. Оленеводство народов Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. (Проблема происхождения и типология): Автореф. дис. ... к.и.н. ЛГУ, 1981. 21с.

- Козьмин В.А. Традиции в развитии современного оленеводства таежной зоны Западной Сибири // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 42–56.
- Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПбГУ, 2003. 236 с.
- Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. Екатеринбург: Из-во Уральского ун-та, 2006. 388 с. с илл.
- Кузнецов Н.И. Природа и жители восточного склона Урала // ИРГО. 1887. XXIII. Вып. VI. С. 726–749.
- Курлаев Е.А. Летописная «Югра»: исчезнувшее имя или исчезнувший народ? // Уральский исторический вестник. 1997. № 4. С. 102–117.
- Лукина Н.В. Некоторые вопросы происхождения оленеводства хантов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 10–17.
- Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Из-во Том. ун-та, 1985. 366 с. с илл.
- Любарских П. Краткое известие о пермских Чердынских вогуличах // Российский Магазин. СПб., 1792. Ч. I. С. 58–88.
- Люцидарская А.А. НЕР-ОЙКА // Мифология манси. Новосибирск: Из-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. (Энциклопедия уральских мифологий; Т. II). С. 98–99.
- Макаревский А.Н. Значение оленеводства на севере Тобольской губернии. Эпизоотии оленей и борьба с ними // ЕТГМ. 1906. Вып. XVI. Тобольск, 1907. С. 1–22.
- Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции // ТОЕ КУ. Казань, 1872. Т. III, № 2. 27 с.
- Мартынова Е.П. Обские угры (ханты и манси) // Народы Сибири и Севера в XIX веке (Этнографическая характеристика). М., 1994. С. 158–193.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1937. 607 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Восточная литература РАН, 1999. Т. 1. 630 с.
- Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
- Мурзина А.И. Манси (вогулы) в XVIII и первой половине XIX в. // Уч. зап. ЛГУ, фак. Народов Севера. Л., 1953. № 157. Вып. 2. С. 215–236.
- Напольских В.В. О происхождении названия Югра // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума). Новосибирск: ИАиЭ СО РАН. 1998. Т. 2. С. 343–351.

- Напольских В.В. Йогра. (Ранние обско-угорско-пермские контакты и этнонимия) // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 240–268.
- Носилов К.Д. Путешествие к вогулам // Естествознание и география. 1897. № 6. 22 с.
- Остроумов И.Г. Вогулы-манси // МИПК. 1904. Вып. 1. С. 153–202.
- Пивнева Е.А. Из истории колхозного строительства в Березовском районе Тюменской области // Народы Сибири. М., 1995. С. 82–109 (Сибирский этнографический сборник. 7; кн..2). С. 82–109.
- Пивнева Е.А. Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М.: ИЭА РАН, 1999. 306 с.
- Попов А.И. Названия народов СССР. Л.: Наука, 1973. 171 с.
- Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М.: Наука, 1972. 392 с.
- Ромбандеева Е.И. Мансийсий (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 208 с.
- Соколова З.П. Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров // СЭ. 1968. № 5. С. 25–39.
- Соколова З.П. К вопросу о формировании этнографических и территориальных групп у обских угров // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 186–210.
- Соколова З.П. Обские угры (ханты и манси) // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 8–47.
- Соколова З.П. Проблемы социальной и этнической истории хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1984. 48 с.
- Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. М.: ИЭ АН СССР, 1990. 209 с.
- Сорокин Н. Путешествие к вогулам // ТОЕ КУ. 1873. Т. 3. № 4. 61 с.
- Статистический справочник Тагильского округа Уральской области. Нижний Тагил: Издание Тагильского Статотдела, 1929. 304 с.
- Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941гг.). Сб. документов. Тюмень: издательство, 1994. 320 с.
- Федорова Е.Г. Элементы традиционного в современных хозяйственных занятиях северных манси // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 139–156.
- Федорова Е.Г. Об оленеводстве северных манси // Сибирские чтения. К 90-летию со дня рождения Андрея Александровича Попова. 11–13 ноября 1992 г. СПб., 1992. С. 24–26.
- Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб.: МАЭ РАН, 1994. 286 с.

- Федорова Е.Г. Экологический аспект изучения одежды тундровой зоны Сибири // Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. СПб., 1995. С. 119–165.
- Федорова Е.Г. Жертвенные животные в культуре манси // Традиционное мировоззрение народов Сибири. М., 1996. С. 130–154.
- Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский дом, 2000. 368 с.
- Федорова Е.Г. Манси-олeneводы Урала // Языки и культура народов ханты и манси: М-лы Международной конференции, посвященной 10-летию НИИ обско-угорских народов. Ч. 1: Этнология, социология, экономика. Томск, 2002. С. 113–119.
- Федорова Е.Г. Сосьвинско-ляпинские манси: некоторые аспекты этнодемографической и хозяйственно-культурной ситуации // Сибирь на рубеже тысячелетий. Традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов. СПб., 2005. С. 7–29.
- Федорова Е.Г. Исчезающее (?) оленеводство // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 306–313.
- Федорова Н.В. Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X–XIII вв.): Автореф. дис. ... к.и.н. Л., 1984. 21 с.
- Хайду П. Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
- Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 190 с.
- Чернецов В.Н. Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера: Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. Ч. 1. С. 163–92.
- Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских югров // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 18–27.
- Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. 1953. № 53. С. 221–241.
- Шульц Л.Р. Очерк Кондинского края // Урал. 1926. Вып. 8. Ч. I. С. 19–57.
- Ahlquist A. Eine kurze Nachricht über das Wogulische // Mélanges russes. 1859. T. XVI. S. 25–30.
- Kálmán B. Chrestomathia vogulica. Zweite neubearbeitete Ausgabe. Budapest: Tankönyvkiadó, 1976. 149 S.
- Kannisto A. Ein Worterverzeichnis eines ausgestorbenen wogulischen Dialektes in den Papieren M.A.Castrens // JSFOu. 1913–1918. XXX. 8. S. 1–33.
- Rédei K. Die surjanischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1970. 195 S.